

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АУДИТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО АДАПТАЦИИ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

XALQARO STRATEGIK AUDIT TAJRIBASI VA UNI O'ZBEKISTON SHAROITIGA MOSLASHTIRISH IMKONIYATLARI

[1]Орипжонов Бекзод Шерзоджон угли,
[2]Абдужалилова Дилноза Абдусатторовна

[1]Магистрант специальности «Государственный финансовый контроль и аудит», Ташкентский государственный экономический университет. ***G-mail:*** *oripjonovbekzod@gmail.com, [2]ТГЭУ, доцент кафедры государственного аудита и бюджетного учёта*

Аннотация
Annotatsiya

Рус. - В статье исследуется международный опыт внедрения и функционирования стратегического аудита как инструмента повышения эффективности государственного управления и обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Проведён сравнительный анализ систем стратегического аудита в ведущих странах — США, Канаде, Германии, Австралии, Южной Корее и Сингапуре. Выявлены ключевые принципы, методологические подходы и институциональные условия, обусловливающие высокую результативность стратегического аудита в этих государствах. На основе анализа текущего состояния контрольно-надзорной системы Узбекистана, реализуемых реформ и национальной стратегии развития сформулированы научно обоснованные рекомендации по поэтапной адаптации лучших международных практик. Статья вносит вклад в теорию и практику государственного аудита в условиях развивающихся экономик.

Uzb. - Ushbu maqolada davlat boshqaruvi samaradorligini oshirish hamda barqaror ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanishni ta'minlash vositasi sifatida strategik auditni joriy etish va uning faoliyat yuritishi bo'yicha xalqaro tajriba tadqiq etilgan. AQSh, Kanada, Germaniya, Avstraliya, Janubiy Koreya va Singapur kabi rivojlangan mamlakatlarda strategik audit tizimlarining qiyosiy tahlili amalga oshirilgan. Mazkur davlatlarda strategik auditning yuqori natijadorligini ta'minlovchi asosiy tamoyillar, metodologik yondashuvlar hamda institutsional shart-sharoitlar aniqlangan. O'zbekistonda davlat moliyaviy nazorati tizimining hozirgi holati, amalga oshirilayotgan islohotlar va milliy rivojlanish strategiyasi tahlili asosida ilg'or xalqaro amaliyotlarni mamlakat sharoitiga bosqichma-bosqich moslashtirish yuzasidan ilmiy asoslangan tavsiyalar ishlab chiqilgan. Maqola rivojlanayotgan iqtisodiyotlar sharoitida davlat auditi nazariyasi va amaliyotini takomillashtirishga qaratilgan ilmiy yondashuvlarni rivojlantirishga xizmat qiladi.

Ключевые слова:
Kalit so'zlar:

❖ *стратегический аудит, высшие органы аудита, государственный финансовый контроль, Счётная палата, эффективность государственного управления, реформы в Узбекистане, ИНТОСАИ, аудит эффективности, адаптация международных практик.*

❖ *strategik audit, oliy audit organlari, davlat moliyaviy nazorati, Hisob palatasi, davlat boshqaruvi samaradorligi, O'zbekistondagi islohotlar, INTOSAI, samaradorlik auditi, xalqaro tajribalarni moslashtirish.*

Введение.

В условиях глобальных трансформационных процессов перед государствами стоит задача обеспечения не просто соответствия нормативным требованиям, но и достижения стратегических целей развития с максимальной эффективностью использования ресурсов. Именно в этом контексте на рубеже XX–XXI веков сформировался и приобрёл устойчивый институциональный статус стратегический аудит — качественно новый вид государственного контроля, направленный на оценку обоснованности целей, правильности приоритетов развития и результативности реализуемых государственных программ [1, 2].

С учётом современной международной практики стратегический аудит в статье рассматривается как аналитическая ориентация внешнего государственного аудита на оценку достижения долгосрочных целей; при этом он не подменяет и не отменяет установленные стандартами ИНТОСАИ виды аудита [1, 2].

Стратегический аудит принципиально отличается от традиционного финансового контроля. Он смещает акцент с проверки соответствия нормам на оценку воздействия: достигнуты ли заявленные цели, насколько рационально расходовались средства, обеспечена ли связь между политическими приоритетами, бюджетными ассигнованиями и конечными результатами. В терминологии ИНТОСАИ этот вид контроля обозначается как «аудит эффективности» (Value for Money Audit), однако в научной литературе всё шире используется понятие «стратегический аудит», подчёркивающее его ориентацию на долгосрочные цели развития [1, 2].

Для Узбекистана, реализующего масштабные экономические реформы в соответствии со Стратегией «Узбекистан — 2030», разработка эффективного механизма стратегического аудита приобретает особую актуальность. Необходима система контроля, способная не только фиксировать нарушения, но и оценивать, насколько государственные решения соответствуют задачам устойчивого развития, обеспечивают социальный прогресс и повышают конкурентоспособность национальной экономики [10].

Нормативную основу оценки национальных приоритетов составляет актуализированная Стратегия «Узбекистан — 2030» на 2026–2030 годы, утверждённая Указом Президента Республики Узбекистан от 16 февраля 2026 года № УП-21 [10].

Цель настоящей статьи — систематизировать международный опыт стратегического аудита и разработать научно обоснованные рекомендации по его адаптации к условиям Узбекистана с учётом институциональной среды, правовой базы и стратегических приоритетов страны.

Обзор литературы.

Теоретические основы стратегического аудита связаны с эволюцией государственного аудита и изменением требований к системе публичного управления. Государственный аудит прошёл в своём развитии несколько этапов, каждый из которых отражал изменение запросов общества к системе публичного управления. На первом этапе (до середины XX века) доминировал регулярный аудит, нацеленный на проверку законности и достоверности государственных счетов. Второй этап (1960–1980-е годы) ознаменовался распространением финансового аудита, включающего оценку достоверности финансовой отчётности. Третий этап — аудит эффективности — получил развитие в 1970–1990-е годы в ответ на кризис «государства благосостояния» и запросы на

более рациональное использование бюджетных ресурсов.

Стратегический аудит как четвёртый этап эволюции сформировался в конце 1990-х годов и окончательно институционализировался в первые десятилетия XXI века. Его концептуальную основу составляет ориентация на оценку стратегической состоятельности государственных решений: соответствия национальным приоритетам, качества целеполагания, системности мер государственной политики. Стратегический аудит интегрирует аналитические функции, включая перспективный анализ рисков, форсайт-исследования и горизонтальный аудит межведомственных программ [4, 7].

Разграничение исторических этапов развития аудита носит аналитический характер: международные стандарты ИНТОСАИ нормативно закрепляют финансовый аудит, аудит соответствия и аудит эффективности, тогда как «стратегический аудит» используется в данной статье как исследовательское обозначение расширенной оценки долгосрочных приоритетов [1, 2].

Методологическую основу аудита эффективности составляют принципы экономичности, продуктивности (эффективности использования ресурсов) и результативности — economy, efficiency, effectiveness. Равенство (equity) и устойчивость могут учитываться в качестве дополнительных критериев там, где это обосновано объектом проверки, однако они не заменяют трёх базовых критериев ISSAI [1, 2].

Принципиально важно разграничить понятия: финансовый аудит устанавливает факты, аудит эффективности оценивает достигнутые результаты, а стратегический аудит отвечает на вопрос «правильные ли цели были выбраны изначально?» Такая постановка вопроса требует от аудиторов глубокого понимания государственной политики, макроэкономических тенденций и международного опыта сравнимых систем [1, 2].

Таблица 1

Сравнительная характеристика видов государственного аудита

Вид аудита	Объект оценки	Основной вопрос	Временной горизонт
Финансовый аудит	*Финансовая отчётность и операции*	*Достоверна ли отчётность?*	*Прошлый период*
Аудит эффективности	*Программы, процессы и результаты*	*Экономично, эффективно и результативно ли использованы ресурсы?*	*Прошлое и настоящее*
Стратегически ориентированный аудит[1]	*Целевые приоритеты и результаты программ*	*Достигаются ли долгосрочные цели и имеются ли риски их недостижения?*	*Настоящее и перспективный период*
Перспективный анализ в аудите[1]	*Риски и сценарии*	*Какие риски способны повлиять на достижение целей?*	*Перспективный период*

Примечание: *[1]обозначения используются как аналитические категории настоящего исследования и не являются отдельными типами аудита, нормативно закреплёнными ISSAI. Источник: составлено на основе [1, 2].*

К. Поллитт и Х. Сумма рассматривают проблему подотчётности высших органов аудита [4]. Д. Морен изучает влияние аудита эффективности на деятельность публичной администрации [5]. Т. Схиллеманс и М. Бовенс раскрывают

риски множественной подотчётности [6], а коллективная монография под редакцией Я.-Э. Фурубо, Р. Риста и Р. Сандаля систематизирует международную практику оценки [7].

Важное значение имеют международные стандарты ISSAI 300 и ISSAI 3000 [1, 2], отчёт GAO за 2023 финансовый год [3], опубликованные материалы ANAO [11], ежегодный отчёт Bundesrechnungshof [12], документ BAI об организации государственного аудита в Республике Корея [13] и отчётные материалы контрольных органов Сингапура и Канады [16, 18]. В Узбекистане правовые и институциональные основы анализа раскрываются в Законе «О Счётной палате Республики Узбекистан», отчёте национальной Счётной палаты за 2023 год и документах стратегического развития [8–10].

Таким образом, обзор литературы позволяет рассматривать стратегический аудит как направление государственного контроля, объединяющее оценку результативности, стратегических целей, институциональной подотчётности и долгосрочных последствий государственных решений.

Методология исследования.

В исследовании применены сравнительно-институциональный, нормативно-правовой и системный методы. Эмпирическую и документальную базу составили материалы ИНТОСАИ, публикации высших органов аудита США, Канады, Германии, Австралии, Республики Корея и Сингапура, а также документы Счётной палаты и нормативные правовые акты Республики Узбекистан [1–3, 8–13, 16–18].

На первом этапе проведено сопоставление функций и практических инструментов указанных высших органов аудита по пяти критериям: институциональная независимость; ориентация на результат; аудит межведомственных программ; использование аналитических и цифровых инструментов; контроль исполнения рекомендаций. На втором этапе выявлены возможности их применения в действующей институциональной системе Узбекистана. На третьем этапе сформирована предлагаемая автором дорожная карта адаптации.

Исследование имеет качественный сравнительный характер и не предполагает расчёта единого межстранового рейтинга, проверки причинно-следственных связей или статистической оценки эффективности национальных контрольных органов. Выводы о применимости зарубежных механизмов носят рекомендательный характер. Сведения о внедрении цифровых инструментов и конкретных показателях исполнения рекомендаций не признаются сопоставимыми без единой методологии измерения.

Методологические критерии ориентированы на общепринятые принципы аудита эффективности (экономичность, продуктивность и результативность) и на институциональный анализ механизмов подотчётности. При интерпретации результатов учитываются различия правовых систем, полномочий контрольных органов и открытости статистической отчётности [1, 2, 14, 15].

Анализ и обсуждение результатов.

Управление по подотчётности правительства США (Government Accountability Office, GAO), созданное в 1921 году, оказывает аналитическую поддержку Конгрессу и проводит проверки результативности государственных программ. Согласно официальному отчёту за 2023 финансовый год, рекомендации и

аналитическая работа GAO обеспечили финансовую выгоду федеральному правительству в размере 70,4 млрд долларов США; эти результаты относятся к деятельности GAO в целом и не могут интерпретироваться как эффект только стратегического аудита [3].

Ключевые особенности модели GAO — закреплённый в законодательстве мандат, многопрофильные компетенции специалистов, системное взаимодействие с Конгрессом и механизм High-Risk List. Высокорисковые направления выявляются и пересматриваются на основе накопленных аудиторских материалов; перечень обновляется преимущественно в двухлетнем цикле, а не ежегодно [17].

Канадская модель примечательна системой «аудита всего жизненного цикла» государственных программ: от оценки обоснованности проектирования до проверки результатов постреализационной оценки. Офис Генерального аудитора (OAG) активно применяет горизонтальный аудит — проверку межведомственных программ, в которых участвуют несколько министерств, что критически важно для оценки интегрированных государственных политик [18].

Особое значение имеет институт Комиссара по вопросам окружающей среды и устойчивого развития, действующий в структуре Офиса генерального аудитора Канады. Он содействует контролю за выполнением обязательств в сфере устойчивого развития, проводит соответствующие проверки и представляет материалы парламенту [18].

Немецкая модель отличается институциональной независимостью Федеральной счётной палаты. В соответствии со статьёй 114 Основного закона Германии члены этого органа обладают судейской независимостью; контроль распространяется на законность, экономичность и результативность управления федеральными средствами [12].

Bundesrechnungshof предоставляет парламенту замечания по управлению федеральными финансами и может представлять консультационные заключения по вопросам бюджетного планирования. Данный опыт показывает значение раннего выявления финансовых рисков, однако консультационная деятельность не тождественна обязательному согласованию бюджетных решений [12].

Австралийская модель опирается на риск-ориентированный выбор направлений аудита, развитую методологию проверок и контроль выполнения рекомендаций. ANAO публикует годовые отчёты и результаты специальных аудитов по внедрению рекомендаций [11].

В годовом отчёте ANAO за 2022–2023 финансовый год приведён показатель выполнения 77 % рекомендаций, сформулированных по итогам аудитов 2020–2021 финансового года, в течение 24 месяцев. Этот показатель относится к определённой когорте рекомендаций; его нельзя автоматически переносить на все годы или другие органы аудита [11].

Совет по аудиту и инспекции Республики Корея (Board of Audit and Inspection, BAI) объединяет функции проверки бюджетных счетов и инспекционного контроля государственного управления. Его полномочия позволяют рассматривать контроль финансовых операций во взаимосвязи с оценкой качества управления [13].

Офис генерального аудитора Сингапура (Auditor-General’s Office, AGO) ежегодно публикует доклады о результатах государственного аудита и выявленных недостатках финансового управления. Опыт Сингапура представляет интерес прежде всего с точки зрения

организационной дисциплины, прозрачности выводов и последующего контроля, а не как доказательство существования самостоятельного стандарта «аудита инноваций» [16].

Таблица 2

Сравнительный анализ зарубежных моделей государственного аудита

Страна / орган	Выделяемый подход	Инструмент	Подтверждённый результат или назначение
США / GAO	*Межотраслевая аналитика*	*High-Risk List*	*Выявление и мониторинг системных рисков [3, 17].*
Канада / OAG	*Комплексные проверки программ*	*Аудит устойчивого развития*	*Парламентский контроль исполнения обязательств [18].*
Германия / BRH	*Независимый внешний аудит*	*Замечания и консультации*	*Поддержка парламентского контроля [12].*
Австралия / ANAO	*Аудит эффективности и мониторинг*	*Follow-up audits*	*77 % рекомендаций одной когорты за 24 месяца [11].*
Республика Корея / BAI	*Аудит счетов и инспекция*	*Государственные проверки*	*Контроль законности и качества управления [13].*
Сингапур / AGO	*Публичная отчётность по проверкам*	*Ежегодный аудиторский отчёт*	*Прозрачность выводов о финансовом управлении [16].*

Источник: *составлено автором по материалам [3, 11–13, 16–18]. Числовые показатели разных стран не сопоставляются без общей методологии.*

Ключевым органом государственного внешнего аудита и финансового контроля Узбекистана является Счётная палата Республики Узбекистан. Её правовой статус, полномочия и организационные основы определяются Законом Республики Узбекистан от 1 июля 2019 года № ЗРУ-546 «О Счётной палате Республики Узбекистан». Утверждение о принятии профильного закона в 2021 году было исправлено с учётом официального текста нормативного акта [9].

Наряду со Счётной палатой отдельные контрольные функции реализуются уполномоченными структурами в сфере экономики и финансов, а также службами внутреннего аудита государственных органов. Статистическое наблюдение и внутренний аудит при этом имеют самостоятельные задачи и не должны отождествляться с внешним государственным аудитом.

За период 2017–2024 годов в сфере государственного финансового контроля Узбекистана достигнуты значительные результаты. Реализована методология риск-ориентированного аудита, введена практика публикации отчётов аудиторских проверок, налажено сотрудничество с ИНТОСАИ и членство в АЗОСАИ (Азиатская организация высших органов аудита). Запущен процесс перехода на стандарты ИССАИ, ведётся цифровизация аудиторских процессов в рамках программы «Электронное правительство» [8, 9].

Вместе с тем сохраняется ряд системных ограничений, препятствующих переходу к полноценному стратегическому аудиту: относительно ограниченный институциональный опыт; недостаточная методологическая база для оценки долгосрочных воздействий государственных программ; дефицит кадров с компетенциями в области

макроэкономического анализа и перспективного планирования; слабость механизмов парламентского сопровождения аудиторских рекомендаций.

Важным ориентиром для сопоставления результатов аудита с долгосрочными целями выступает обновлённая Стратегия «Узбекистан — 2030» на 2026–2030 годы. Приоритеты социально-экономического развития требуют мониторинга показателей эффективности, оценки результативности бюджетных программ и выявления межведомственных рисков [10].

Адаптация международного опыта стратегического аудита к условиям Узбекистана не может быть механическим копированием той или иной национальной модели. Необходима разработка собственной модели, органично встроенной в национальную институциональную среду, сочетающей лучшие элементы различных международных практик и учитывающей специфические условия: уровень развития институтов, кадровый потенциал, особенности парламентского контроля и характер взаимодействия государственных органов.

Предлагаемая концептуальная модель строится на трёх уровнях адаптации. Первый уровень — институциональный — предполагает законодательное закрепление стратегического аудита как самостоятельного направления деятельности Счётной палаты. Второй уровень — методологический — охватывает разработку национальных стандартов стратегического аудита на основе ИССАИ. Третий уровень — операциональный — включает формирование специализированного аналитического подразделения, подготовку кадров и внедрение цифровых инструментов [1, 2, 9].

Наиболее актуальным для Узбекистана представляется заимствование канадской практики горизонтального аудита применительно к межведомственным государственным программам. Такие стратегические инициативы, как «Цифровой Узбекистан», программы развития агропромышленного комплекса, инфраструктурные проекты в рамках «Нового Узбекистана», реализуются усилиями нескольких ведомств. Традиционный ведомственный аудит не позволяет оценить интегральную эффективность таких программ — здесь незаменим горизонтальный подход [18].

Немецкая модель превентивного аудита актуальна в контексте реализации крупных инфраструктурных проектов в Узбекистане — строительства транспортной инфраструктуры, энергетических объектов, создания специальных экономических зон. Внедрение обязательной процедуры аудиторской экспертизы проектов со стоимостью свыше определённого порогового значения ещё на стадии обоснования позволит предотвратить системные ошибки проектирования и завышение стоимости [12].

Для развития аудита с использованием цифровых технологий целесообразно обеспечить защищённый доступ Счётной палаты к согласованным государственным информационным ресурсам при строгом соблюдении требований к информационной безопасности, разграничению прав доступа и защите данных. Такой подход создаст возможности для непрерывной аналитики бюджетных операций, не предполагая автоматического отказа от выборочных проверок.

Австралийский опыт Follow-up Framework востребован с учётом известной проблемы отечественных систем контроля — низкой степени исполнения аудиторских рекомендаций. Введение обязательной публичной отчётности государственных органов о реализации рекомендаций

Счётной палаты, применение принципа «соблюдай или объясняй», а также систематические повторные проверки существенно повысят практическую действенность аудита [11].

Таблица 3

Предлагаемая дорожная карта развития стратегически ориентированного аудита в Узбекистане

Этап	Период	Предлагаемые мероприятия	Ожидаемый результат
I. Подготовительный	2025–2026	Правовая база, методология, кадровая подготовка	Нормативное закрепление стратегического аудита
II. Пилотный	2026–2027	Апробация на 3–5 межведомственных программах	Отработанная методология горизонтального аудита
III. Масштабирование	2027–2028	Цифровой аудит, превентивные проверки	Полноценная система стратегического аудита
IV. Интеграция	2028–2030	Встраивание в стратегическое планирование страны	Аудит как элемент стратегического управления

Источник: *разработано автором. Периоды 2025–2030 годов отражают первоначальную концептуальную последовательность этапов и не являются утверждённым государственным графиком реализации.*

Анализ позволяет выделить три условия успешной адаптации: ясное разграничение полномочий и независимость аудиторов; наличие единых методических критериев оценки программ; измеримость исполнения рекомендаций. Международные примеры подтверждают значимость этих элементов, однако результаты отдельных стран не следует механически переносить на национальную систему.

Заключение и предложения.

На основе проведённого анализа сформулированы следующие приоритетные рекомендации по адаптации международного опыта стратегического аудита в Узбекистане:

— Оценить необходимость уточнения полномочий Счётной палаты в части аудита долгосрочных результатов государственных программ с учётом действующего Закона от 1 июля 2019 года № ЗРУ-546;

— Создание специализированного Департамента стратегического и перспективного аудита в составе Счётной палаты с привлечением специалистов в области макроэкономики, государственной политики и цифровых технологий;

— Разработать методические рекомендации по стратегически ориентированному аудиту на основе ISSAI 300 и ISSAI 3000 с учётом национальной практики;

— Рассмотреть возможность предварительной экспертизы крупных государственных программ на основе прозрачных пороговых критериев, которые должны определяться отдельным нормативным решением, а не приниматься за действующую обязательную норму;

— Заключение соглашений о техническом сотрудничестве с GAO США, ANAO Австралии и BAI Кореи для трансфера методологических компетенций;

— Разработка и принятие Национального индекса результативности государственного управления (НИРГ) как

целевого показателя стратегического аудита;

— Развивать регулярное публичное представление результатов аудита и парламентское рассмотрение рекомендаций в пределах полномочий, установленных законодательством;

— Разработать систему цифрового мониторинга исполнения аудиторских рекомендаций с соблюдением требований к раскрытию официальной информации.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Мировая практика убедительно демонстрирует, что переход от традиционного финансового контроля к стратегическому аудиту — не дань моде, а объективная потребность государств, стремящихся к эффективному управлению развитием в условиях нарастающей сложности глобальных вызовов. Стратегический аудит становится связующим звеном между целеполаганием в государственном управлении и практическим достижением стратегических результатов.

Для Узбекистана переход к стратегическому аудиту представляет не только практическую ценность для повышения эффективности государственного управления, но и важный сигнал для международного сообщества об институциональной зрелости страны. В контексте реализации Стратегии «Узбекистан — 2030» создание современной системы стратегического аудита будет способствовать обеспечению прозрачности и подотчётности государственной политики, повышению доверия граждан и международных партнёров к проводимым реформам [9, 10].

Предложенная модель адаптации, сочетающая лучшие элементы американской, канадской, немецкой, австралийской и азиатской практик, учитывает как достижения, так и текущие ограничения узбекистанской системы государственного контроля. Поэтапная реализация дорожной карты позволит к 2030 году создать в Узбекистане современную систему стратегического аудита, отвечающую международным стандартам и содействующую достижению национальных целей развития.

Список использованной литературы:

1. INTOSAI. ISSAI 300: Performance Audit Principles. — Vienna: INTOSAI, 2019. — URL: https://www.issai.org/pronouncements/issai-300-performance-audit-principles/

2. INTOSAI. ISSAI 3000: Performance Audit Standard. — Vienna: INTOSAI, 2019. — URL: https://www.issai.org/pronouncements/issai-3000-performance-audit-standard/

3. United States Government Accountability Office. Performance and Accountability Report, Fiscal Year 2023. GAO-24-900483. — Washington, DC: GAO, 2023. — 151 p. — URL: https://www.gao.gov/products/gao-24-900483

4. Pollitt C., Summa H. Reflexive Watchdogs? How Supreme Audit Institutions Account for Themselves // Public Administration. — 1997. — Vol. 75, no. 2. — P. 313–336. — DOI: 10.1111/1467-9299.00063.

5. Morin D. Auditors General's Universe Revisited: An Exploratory Study of the Influence They Exert on Public Administration through Their Value for Money Audits // Managerial Auditing Journal. — 2008. — Vol. 23, no. 7. — P. 697–720. — DOI: 10.1108/02686900810890652.

6. Schillemans T., Bovens M. The Challenge of Multiple Accountability: Does Redundancy Lead to Overload? // Accountable Governance: Problems and Promises / ed. by M. J. Dubnick, H. G. Frederickson. — New York: Routledge, 2011. — P. 3–21. — DOI: 10.4324/9781315706771-9.

7. International Atlas of Evaluation / ed. by J.-E. Furubo, R. C. Rist, R. Sandahl. — New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002. — 471 p.

8. Счётная палата Республики Узбекистан. Отчёт о деятельности за 2023 год. — Ташкент: Счётная палата. — URL: https://ach.gov.uz/uz/activity/annual-reports

9. О Счётной палате Республики Узбекистан: Закон Республики Узбекистан от 01.07.2019 № ЗРУ-546. — URL: https://lex.uz/ru/acts/4394326

10. О дополнительных мерах по последовательному продолжению и выведению на новый этап реформ в рамках приоритетных направлений развития страны до 2030 года: Указ Президента Республики Узбекистан от 16.02.2026 № УП-21. — URL: https://lex.uz/ru/acts/8050774

11. Australian National Audit Office. ANAO Annual Report 2022–23. — Canberra: ANAO, 2023. — URL: https://www.anao.gov.au/work/annual-report/anao-annual-report-2022-23

12. Bundesrechnungshof. 2023 Annual Report on Federal Financial Management. — Bonn: Bundesrechnungshof, 2023. — URL: https://bundesrechnungshof.de/en/reports/2023-annual-report-on-federal-financial-management

13. Board of Audit and Inspection (Republic of Korea). Response by the Board of Audit and Inspection of the Republic of Korea. — 2023. — URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/WorkingGroups/workinggroup4/2023-June-12/Contributions/Republic_of_Korea_EN_2.pdf

14. International Monetary Fund. Fiscal Monitor, April 2023: On the Path to Policy Normalization. — Washington, DC: IMF, 2023. — 99 p. — DOI: 10.5089/9798400234026.089.

15. World Bank. World Development Report 2017: Governance and the Law. — Washington, DC: World Bank, 2017. — 304 p. — ISBN 978-1-4648-0951-4.

16. Auditor-General's Office (Singapore). Report of the Auditor-General for the Financial Year 2022/23. — Singapore: AGO, 2023. — URL: https://www.ago.gov.sg/publications/annual-reports/

17. United States Government Accountability Office. High Risk List. — URL: https://www.gao.gov/high-risk-list

18. Office of the Auditor General of Canada. 2023 to 2027 Departmental Sustainable Development Strategy. — Ottawa: OAG. — URL: https://www.oag-bvg.gc.ca/internet/docs/acc_rpt_e_44364.pdf